

© 2012 г.

**Юрий Князев**

доктор экономических наук

главный научный сотрудник Института экономики РАН

(e-mail: kyuk 151@rambler.ru)

### **ПУТИ РАЗВИТИЯ РОССИИ: ЛОЖНЫЕ ОРИЕНТИРЫ И РЕАЛЬНОСТЬ**

В статье критикуются высказывания тех авторов, которые предлагают для России мало обоснованные и подчас фантастические сценарии дальнейшего развития. В противовес им утверждается, что эволюция нашей страны будет проходить в объективных рамках мирового общественно-экономического прогресса. В отличие от нарочито парадоксальных заявлений некоторых авторов подробно анализируется реальный парадокс производительности труда, рост которой, вопреки ожиданиям, не приводит к сокращению рабочего времени.

**Ключевые слова:** фантазии и парадоксы, производительность труда, рабочее и свободное время.

Все больший интерес вызывает в научной среде вопрос о будущем России, о направлении развития современного общества в нашей стране. Эта вполне прагматичная проблема чаще всего рассматривается в плане определения дальнейшей судьбы российского народа, который должен выбрать свой путь с учетом имеющихся в мире лучших образцов и стремиться использовать чужой опыт себе во благо. При этом считается, что в силу исторического отставания от более развитых цивилизованных стран России предстоит пройти этап догоняющего развития. На этой основе выдвигаются разные концепции модернизации экономики и всего общества, направленные на обновление всех сторон нашей жизни и преодоление отставания от развитых стран.

С этим не могут примириться некоторые эксперты-идеологи, стремящиеся нарисовать для нашей страны максимально благоприятное будущее, не утруждая себя анализом реальных возможностей, склонные не только преувеличивать специфику России, но и приписывать ей всякого рода превосходства. Они считают, что возможен иной путь: вместо скучного и чрезмерно длительного догоняющего развития предлагается сразу перегнать весь мир, никого не догоняя. Зачем, спрашивают они, стремиться к имеющимся образцам капиталистического Запада, когда там сами недовольны своими порядками и хотят перейти к новой парадигме развития, а именно – от индустриального к постиндустриальному обществу. Так, предлагая России, Украине, Беларуси и всем странам СНГ ориентироваться при проведении модернизации не на реальную западную

практику, а на основные тенденции, присущие современному цивилизованному развитию, П. Кохно утверждает: «Они должны отказаться от эпигонской концепции «догоняющего развития» и исходить из стратегии «опережающего развития», «опережающего порядка». Их задача – совершить инновационный скачок в постиндустриальное, возможно, принципиально нерыночное хозяйство»<sup>1</sup>. Но и обращаясь к более глобальной, общемировой проблематике, некоторые эксперты выступают скорее фантазерами или безоглядными оптимистами, чем прогнозистами-исследователями. Они уклоняются от рассмотрения новых глубоких противоречий, которые неизбежно выявляются в ходе дальнейшего технико-экономического и социального развития человечества, от будущих конфликтов в человеческом сознании и в общественных отношениях, противоречий и конфликтов, неизбежно сопутствующих общественному прогрессу, и рисуют благостные картины «разумной экономики», одухотворенной идеей социальной справедливости человечества. Но нельзя забывать, что прежде чем пожинать плоды прогресса, за них придется заплатить. Если же не думать об этом, то не будет и прогресса.

В этой статье мы остановимся лишь на некоторых узловых вопросах, требующих дискуссии.

**Можно ли перегнать, не догоняя?** Действительно, кому бы не хотелось сразу попасть в рай! Но все дело в том, что предпринимавшиеся в мировой истории попытки обогнать ход времени всегда заканчивались крахом. Об этом свидетельствует печальная судьба Парижской коммуны, строительства социализма в феодальной Монголии в обход капитализма, движения к развитому социализму и коммунизму в СССР и других странах мировой социалистической системы. Историческая практика показывает, что нельзя достичь экономического прогресса без использования рыночных отношений, без овладения всей совокупностью принятых в современной практике рычагов, приводящих экономику в сбалансированное и эффективное состояние.

В сегодняшней России установился олигархический, бюрократический, коррумпированный капитализм, который подвергается жесткой критике со стороны как левой, так и правой оппозиции, да и сама власть недовольна сложившейся ситуацией и предлагает все новые реформы. Оказалось, что переход к капиталистическому рынку невозможен без прохождения ряда обязательных этапов, в частности, без периода первоначального накопления капитала, который всюду был одинаково неприглядным. И хотя перед глазами был давно устоявшийся опыт развитых стран, воспользоваться им новой России не удалось по причине одномо-

---

<sup>1</sup> Кохно П. Современная цивилизация: возможные контуры будущего // Общество и экономика. 2011. № 8-9. С. 105.

ментного слома советской системы, развала страны, возникшего после этого хаоса, незрелости складывавшейся политической системы и т.д.

Постсоциалистическое развитие стало по существу невиданным в истории человечества общественным экспериментом с сопутствующим ему риском неудачных решений, в т.ч. с риском оторваться от реалий. В этой связи отметим, что *сами развитые страны не торопятся отказываться от нынешней системы даже после потрясшего их глобального кризиса и надеются усовершенствовать капитализм, устранив выявившиеся недостатки.*

Нежелательность перепрыгивания через исторически обусловленные этапы не означает, что Россия должна слепо копировать опыт развитых стран и воспроизводить существующую в них действительность со всеми ее недостатками и пороками. Хотелось бы, чтобы наше общество развивалось без периодических кризисов и других потрясений, имманентных современному капитализму, без массовой безработицы и инфляции, подрывающих благосостояние трудящихся, при общественно приемлемых различиях в уровне получаемых доходов и отсутствии бедности массы людей, при соблюдении большей справедливости и норм общечеловеческой морали. Но при этом надо понимать, что избежать этих отрицательных черт можно только в ходе социально-экономического прогресса, базирующегося на общих закономерностях эволюции общества, учитывая опыт развитых стран, несмотря на его противоречивость и, разумеется, стремясь внести свой вклад в решение общечеловеческих проблем.

Рассуждения о постиндустриальном обществе, якобы идущем на смену нынешнему капиталистическому строю, очень неконкретны и отражают скорее идеологические пристрастия, чем реальную практику. Сам термин «постиндустриальное общество» не несет никакой другой смысловой нагрузки, кроме констатации, что это общество следует за индустриальным. Он не дает качественной характеристики этому понятию. Его неопределенность порождает разные трактовки настоящего и будущего, в том числе лишённые всякого смысла.

Качественная неопределенность понятия «постиндустриальное общество» заставляет искать ему более точное название, отражающее его специфику. Некоторые называют его информационным, другие – обществом знаний, третьи – интеллектуальным, а есть и такие, кто видит его «нетрудовым», «неэкономическим», «киберобществом». Диапазон словесных фантазий очень велик, но при этом никак не уточняется, каким образом нынешний капитализм будет превращаться в принципиально иное общество.

Возвращаясь к реальности, следует напомнить, что название «постиндустриальное общество» используется в западных странах применительно не к будущему, а к нынешнему периоду развития. Оно отражает тот факт, что *индустриальный капитализм, пришедший когда-то на сме-*

ну феодальному, аграрному обществу, ныне перешел в постиндустриальную фазу развития, когда доля промышленности в ВВП перестала быть преобладающей и уступила первое место сфере услуг. **Никаких кардинальных общественных сдвигов при этом не произошло** от того, что наибольшая часть населения теперь трудится не в реальном производстве, а в сфере бытового, досугового, финансового, информационного и прочего обслуживания. **Принципы рыночного хозяйствования, отношения собственности и роль капитала существенно не изменились**, а следовательно, и капитализм вовсе не превратился в свою противоположность.

Если же под постиндустриальным обществом понимать не нынешнюю фазу развития капитализма, а будущее новое общественное устройство, то и в этом случае *пока нет убедительных оснований считать, что оно будет принципиально нерыночным*. До полного исчезновения рынка может последовательно смениться множество переходных стадий, каждая из которых будет называться уже не постиндустриальным, а каким-нибудь «постобслуживающим» или «постинформационным» строем.

Вместо бесплодных мечтаний об эфемерном будущем полезно, на наш взгляд, обратиться к современной реальной практике развитых стран, которая представляет собой не сочетание рыночных и нерыночных (в смысле хорошо известных социалистических) элементов, а современную рыночную экономику, регулируемую государством и социально ориентированную. В большинстве развитых стран давно уже действует социально-регулируемая рыночная экономика, где рынок и капитал по-прежнему определяют ход экономического развития, но условия их функционирования корректируются государством вместе с другими общественными силами, стремящимися минимизировать разного рода негативные проявления в интересах всего общества. **Прежде чем задаваться целью внезапно обогнать цивилизованный мир каким-то окольным путем, России предстоит цивилизоваться хотя бы в той же мере, что и ушедшие вперед капиталистические страны**. Это трудная, но вполне реальная задача, хотя она не вписывается в мессианские амбиции.

При анализе настоящего и будущего России часто применяется системный подход, позволяющий изучить предмет в комплексе и взаимосвязи с внешней средой. Но иногда использование понятия «система» лишь запутывает читателя и затрудняет понимание проблемы. Этим, в частности, грешат П. Савченко и М. Федорова, которые в своей статье «Российская общественная Система как выражение противоречивых исторических тенденций развития России» рассуждают об эволюции общественного строя в нашей стране. При этом они вводят в научный оборот понятие «Система» с большой буквы, понимая под этим термином, вроде бы, общественное устройство, существующее в России с момента его зарождения и до настоящего времени (в смысле «наша система»). В то же время разные исторические этапы этой Системы рассматриваются как само-

стоятельные Системы, которые «зарождаются», «развиваются», «крепнут», «преодолеваются», «заменяются» другой системой<sup>1</sup>. Создается впечатление, что все эти сменявшие друг друга Системы пишутся с заглавной буквы из уважения не к России как к государству на все времена, а к священному для авторов понятию «системы» как таковой.

В оправдание самобытности российского пути развития иногда ссылаются на то, что «Россия представляет собой самостоятельный, отличный от западного тип цивилизации»<sup>2</sup> и что поэтому она может выйти за пределы общеисторического движения и развиваться в рамках какого-то «нового типа общества». Однако этот тезис обычно не сопровождается убедительными обоснованиями. Вообще, о разных цивилизациях можно было говорить во времена большой изолированности народов друг от друга, которая способствовала их обособленному развитию и появлению серьезных различий в их жизни, обычаях, нравах, общественном и государственном устройстве. Существование таких цивилизационных различий в общественно-экономическом устройстве признавал, как известно, К. Маркс, говоривший об отдельном азиатском способе производства.

С некоторых пор стало модно противопоставлять цивилизационный подход к объяснению общественно-исторической эволюции человечества формационному, согласно которому в развитии общества последовательно сменились пять формаций (так называемая «пятичленка»): первобытно-общинный строй, рабовладельческий, феодализм, капитализм и социализм (коммунизм). Однако противоречивость этих двух подходов кажущаяся, так как указанные формации были характерны для европейского ареала и необязательно должны были воспроизводиться другими цивилизациями.

В наше время грани между разными цивилизациями, в основе которых часто лежали религиозные особенности, дававшие им соответствующие названия (христианская, мусульманская, конфуцианская, индуистская), постепенно стираются в условиях идущей глобализации. Это выражается по крайней мере в проникновении всюду рыночных отношений в их капиталистическом обличье, которому не может противостоять никакая, даже самая древняя цивилизация. Религиозные, культурные, этические и иные национальные различия при этом сохраняются и придают особый колорит производственным отношениям, которые, тем не менее, остаются по сути капиталистическими или переходными от феодализма к капитализму.

---

<sup>1</sup> См.: Савченко П., Федорова М. Российская общественная Система как выражение противоречивых исторических тенденций развития России // Общество и экономика. 2011. № 8-9.

<sup>2</sup> Савелов В. Россия на пути в будущее: как его понимать // Общество и экономика. 2012. № 1. С. 133.

С этих позиций *Россия вряд ли может претендовать на собственную цивилизацию, сильно отличную от западной*, хотя ее территориальное положение и историческая судьба тесно связаны с близлежащими азиатскими странами, оказывающими на нее свое влияние. Правильнее, наверное, говорить не о российской цивилизации, а о самобытности России, которая, несомненно, имеет место.

**О парадоксе производительности труда.** Те эксперты, которые говорят о неизбежном крахе рыночного капитализма, часто не только ссылаются на исторические факты, но и приводят технологическое обоснование. Ссылаются на то, что путь качественного технологического рывка «носит слабо предсказуемый, нерегулируемый и весьма разрушительный характер». Как утверждает П. Кохно, «это вызвано кардинальным повышением производительности труда, в результате которого значительная часть занятых лишается работы и средств к существованию в сроки, не позволяющие самостоятельно адаптироваться к изменению и освоить новую профессию»<sup>1</sup>. Трудно сказать, что произойдет в будущем, но пока мы сталкиваемся с очевидным парадоксом производительности труда, многократное повышение которой за истекшие почти сто лет не привело к существенному сокращению длины рабочего времени, и мы вынуждены по-прежнему трудиться по восемь часов в день в течение сорокачасовой рабочей недели, чего требовали и добились французские рабочие еще перед Второй мировой войной.

Чтобы понять, почему рост производительности труда в ходе научно-технического прогресса до сих пор не привел к катастрофическим последствиям и не создал неисчислимую армию безработных, необходимо обратиться к некоторым основным положениям классической экономической теории.

Стоимость товара, согласно этой теории, определяется затраченным на его производство временем независимо от интенсивности и качества труда. Этот тезис очевиден для простого товарного производства, где господствовал ручной труд, измерявшийся его количеством в единицах затраченного времени (часах, днях). Но это также верно и для развитого товарного производства при капитализме, когда в продукте труда овеществлен как живой, так и прошлый труд, аккумулированный в предметах (сырье) и орудиях труда (в первых в полном объеме, а во вторых – только в их амортизированной части). При усложнении труда, повышении его технической оснащенности и производительности стоимость массы товаров, произведенных в единицу времени, остается прежней, но стоимость каждого товара в отдельности уменьшается пропорционально выросшей производительности. Стоимость товара сокращается, а его цена на рынке

---

<sup>1</sup> Кохно П. Современная цивилизация: возможные контуры будущего // Общество и экономика. 2011. № 8-9. С. 99.

(его денежная ценность) остается в течение некоторого времени прежней. За счет превышения сохранившейся цены товара над его уменьшившейся стоимостью возникает прибыль производителя, что и толкает его на постоянное повышение производительности труда. Казалось бы, это выгодно в равной мере не только производителям, но и всему обществу. Однако ответ на этот вопрос не столь однозначен.

Труд давно уже перестал быть однородным. Простого (ручного) труда практически не осталось, весь он в современном обществе стал сложным, в разы превышающим продуктивность простейших трудовых операций. Разные виды труда различаются не только качественно, но и количественно, то есть своей производительностью. Уходит в прошлое деление труда на физический и умственный. Сейчас любой труд требует интеллектуальных усилий, а работник обязан обладать определенной умственной подготовкой (знаниями, умениями). Но это вовсе не значит, что на смену экономики труда уже пришла экономика знаний. Продукты создаются не знаниями непосредственно, а все-таки трудом, хотя и в большой степени оснащенным техническими средствами. Хотя труд в основном перестал быть физически (мускульно) тяжелым, расходы умственной и психической энергии не только не сократились, а даже выросли. Да и время ежедневной трудовой деятельности людей несмотря на бурный научно-технический прогресс уменьшилось не намного.

Человеческий труд, который в натуральном хозяйстве использовался в основном для производства предметов повседневного потребления (пищи, одежды, жилья) и лишь в небольшой своей части для самообслуживания (стирки, мытья, стрижки членов семьи), по мере углубления разделения труда все больше специализировался, а отдельный работник сосредотачивался на одних и тех же узких операциях, что снижало издержки производства и увеличивало производительность. Казалось бы, работники по мере повышения производительности труда в результате его разделения могли трудиться гораздо менее продолжительное время. Однако они вынуждены были производить гораздо больше специализированной продукции не только для себя, но и для всех остальных работников, обеспечивая потребности последних в обмен на производимые только ими товары. По мере того как специализация приобретала все более детальный характер и распространялась на сферу обслуживания, которая сейчас преобладает в общем объеме труда, каждый производственный рабочий вынужден трудиться ради удовлетворения потребностей в своей продукции все большего количества людей и длительность его рабочего времени не уменьшается, хотя производительность труда намного выросла.

Потребности людей, как оказалось, возрастают столь же быстро, что и возможности роста производства под влиянием углубления разделения труда. Потребности увеличиваются и разнообразятся в зависимости от роста доходов, то есть от способности людей оплачивать все больший

объем предлагаемых товаров и услуг. Если в семьях с ограниченными доходами обслуживание их членов осуществляется в значительной степени собственными силами при минимальном расходовании денежных средств и их спрос на внешние услуги невелик, то более высокие доходы дают возможность пользоваться все большим набором платных услуг. Закономерность “большие доходы порождают и большие расходы” действует в отношении не только услуг, но и потребительских товаров, не относящихся к продовольствию, потребление которого все-таки ограничено физиологическими потребностями человека.

Очевидно, что увеличение объема потребляемых товаров и услуг возможно лишь при условии соответствующего прироста покупательной способности населения. Законы рынка позволяют увеличивать производство только при наличии возросшего платежеспособного спроса. Следовательно, рост производства идет параллельно с повышением спроса, который возрастает по мере увеличения доходов населения. Уровень доходов напрямую зависит от повышения заработной платы работников, которое происходит в результате действия рыночных законов, требующих расширения платежеспособного спроса одновременно с ростом объема производства, иначе дополнительно выпущенная продукция просто не может быть продана. Те предприниматели, которые стремятся исключительно к извлечению прибыли и не желают действовать в соответствии с объективными закономерностями, тем не менее вынуждены в конце концов уступать требованиям профсоюзов об увеличении заработной платы или устанавливаемым государством нормативам регулирования оплаты труда (путем налогообложения фонда заработной платы, установления минимального размера оплаты труда и применения других мер социальной политики). В этом случае объективные закономерности пробивают себе дорогу не автоматически, а посредством субъективных действий общественных структур, осознающих гуманный (а не только чисто корыстный) смысл производственной деятельности людей.

Поскольку рост трудовых доходов и, следовательно, платежеспособного спроса и потребления происходит не автоматически и сопряжен с обязательным участием сознательных политических сил, *постольку повышение производительности труда ведет не к пропорциональному, а лишь к замедленному (отстающего по темпам) увеличению совокупного потребления людей, и в еще меньшей степени – потребления каждого отдельного человека.*

Рассмотрим теперь конкретный вопрос о том, приводит ли рост производительности труда к уменьшению рабочего времени трудящихся. Если принять весь объем текущих расходов за  $X$ , а совокупные доходы за  $Y$ , то  $X = Y - Z$ , где  $Z$  – это часть доходов, направляемых на сбережения и расходуемых с определенным временным лагом на то же потребление, но на этот раз дорогостоящих товаров длительного пользования. Коль скоро



все получаемые трудовые доходы в конце концов расходуются полностью, то совокупная масса произведенной продукции и оказанных услуг целиком оплачивается самими же трудящимися. Значит, независимо от роста общественной производительности труда, все производимые товары и оказываемые услуги идут на удовлетворение потребностей людей. Но эти потребности не остаются прежними, а все время возрастают до определенного, исторически обусловленного уровня, соответствующего достигнутому уровню производительности труда.

Каждый отдельный работник трудится точно такое количество времени, какое необходимо для удовлетворения с помощью его труда соответствующей части потребностей всех остальных граждан. Следовательно, длительность рабочего времени напрямую зависит не от уровня производительности труда отдельного работника, а от необходимости удовлетворения результатами его труда потребности в них всего общества. Возьмем для пущей убедительности хорошо известный пример постоянно происходящего снижения численности сельскохозяйственных работников. Казалось бы, с ростом производительности их труда сельские жители могли бы пропорционально этому сократить свое рабочее время. На самом же деле рост производительности ведет не к уменьшению времени их труда, а к соответствующему сокращению их численности и переходу работников из сельского хозяйства в другие отрасли и сферы народного хозяйства. Оставшиеся в сельской местности работники должны по-прежнему кормить все население страны и вынуждены работать столько времени, сколько для этого потребуется.

Как известно, производительность труда ( $p$ ) измеряется количеством продукции ( $P$ ), приходящейся на одного работника ( $V$  – численность работников):  $p = P / V$  (I). Из приведенной формулы видно, что производительность может повыситься в двух случаях: 1) если вырастет объем продукции при прежней численности работников и 2) если меньшей численностью работников будет производиться прежний (или больший) объем продукции. Если для простоты рассмотреть случай роста производительности труда в 2 раза, то формула (I) примет в первом случае вид  $2p = 2P / V$  (II), а во втором случае  $2p = P / 0,5 V$  (III).

Второй вариант реализуется проще, так как при этом существенно не изменяются важные рыночные параметры, прежде всего соотношение между спросом и предложением товаров. В первом же случае возникает проблема поглощения прежним платежеспособным спросом выросшего количества продукции. Как уже отмечалось выше, *рост заработной платы (платежеспособного спроса) не связан напрямую с повышением производительности труда*, хотя исходные условия для этого создаются, несомненно, более производительным трудом, позволяющим в конечном счете выпускать больше продукции на душу населения и частично увеличивать душевое потребление.

Получается, что повышение производительности труда ведет скорее к сокращению численности занятых, чем к уменьшению рабочего времени. Высвободившиеся при этом работники переходят к другим видам деятельности, количество которых постоянно растет по мере углубления разделения труда. Поэтому труд каждого человека не становится по времени менее продолжительным несмотря на рост его производительности. Именно такой тренд подтверждается исторической практикой: статистика свидетельствует, что несмотря на многократное повышение производительности труда длительность рабочего времени, как уже отмечалось выше, практически не изменилась.

Итак, вышеизложенное позволяет сформулировать следующий парадокс производительности: **повышение производительности труда ведет к запаздывающему росту потребления, но практически не уменьшает длительности рабочего времени.** Иными словами, рост производительности труда позволяет удовлетворять умеренно растущие потребности людей, но не приводит к сокращению трудового времени всей совокупности работников, едва успевающих создавать своим трудом дополнительные потребительные блага.

Парадокс производительности требует по-иному подойти к проблеме исторически неминуемого сокращения рабочего времени и увеличению времени, свободного от труда. Рост производительности ведет к экономии труда, количество которого уменьшается в расчете на единицу продукции. Технически лучше оснащенный труд более производителен, но его длительность, как нами установлено, не сокращается. Диалектическое взаимодействие между стоимостью и ценностью (ценой) товара способствует непрерывному техническому прогрессу, но не увеличивает свободное от работы время. Экономия совокупного рабочего времени наступает только в том случае, когда повышается производительность не частного, а всего общественного труда. Лишь когда намного увеличивается отдача от общественного труда, может быть снижена длительность рабочего времени не отдельных работников, а всех их вместе. Это очень медленный процесс с учетом проходящего пока увеличения численности занятых за счет вовлечения дополнительных работников из числа неработающих женщин, пенсионеров, трудовых мигрантов, но главным образом из-за продолжающегося обособления трудовых операций в процессе разделения труда. Все меньшее число людей занимается реальным производством и вынуждено снабжать своей продукцией все большее число занятых в сфере обслуживания, где производительность растет не столь быстро (там часто преобладает ручной труд). Хотя оказание услуг является общественно необходимым, оно замедляет рост производительности всего общественного труда.

Кроме того, получаемые в сфере обслуживания доходы формируются путем перераспределения первичных доходов производственных ра-

ботников. А так как распределить можно лишь то, что реально произведено, общий объем перераспределяемых средств ограничен доходами производственной сферы, работники которой вынуждены все большую их долю тратить на оплату услуг. Это повышает платежеспособный спрос сферы обслуживания и способствует развитию производства, но не сокращает рабочее время, в течение которого необходимо производить продукцию для все большего числа потребителей. Экономия труда на отдельных производствах не приводит непосредственно к его экономии в масштабах всего общества, которое продолжает расходовать всю совокупность труда для удовлетворения все возрастающих потребностей своих членов. Поэтому длительность рабочего времени сохраняется в пределах установленной государством нормы и фактически не сокращается несмотря на имеющуюся в каждой стране хроническую безработицу. Таковы непреодолимые законы капиталистического способа производства, с которыми придется считаться, пока не произойдут какие-то очередные изменения под влиянием созревающей потребности в устранении недостатков, тормозящих развитие этого строя и ставших неприемлемыми для всего общества.

**О некоторых других парадоксальных фантазиях.** Мечты о быстром увеличении длительности свободного от работы времени оказались труднодостижимыми, хотя они до сих пор будоражат фантазии. Настоящим гимном свободному времени звучат, например, следующие слова С. Губанова: «На вершине формационного прогресса история поставит такое общество, которое живет по закону свободного времени как основному своему экономическому закону, регулируется нормой свободного времени, имеет своим экономическим базисом общественное воспроизводство, а значит и накопление свободного времени, расходуемого на превращение науки в непосредственную производительную силу общества»<sup>1</sup>.

У автора этой цитаты своеобразное представление о свободном времени, которое якобы должно расходоваться на превращение науки в непосредственную производительную силу. Можно предположить, что научные работники действительно будут расходовать освобождающееся у них рабочее время на продолжение своей повседневной работы. Только чем в таком случае будет отличаться их свободное время от рабочего? А главное – чем будет заниматься в свободное время основная масса работников, далеких от науки? Наверное тем же, чем они занимаются сегодня, только с большим упором на творчество, которое уже не будет связано с производством, поскольку непосредственной производительной силой станет уже не работник, а роботы, автоматы и другие достижения науки и техники. Но, когда человек освободится от необходимости производить

---

<sup>1</sup> Губанов С. Относительная прогрессивность капитализма: источник и границы // Экономист. 2011. № 1. С. 85.

нужные для его жизни продукты, его деятельность уже нельзя будет называть трудом в нынешнем понимании – он будет полностью добровольным и связанным не с производством материальных благ, а с удовлетворением других разнообразных потребностей людей.

Достижение такого уровня научно-технического прогресса – дело далекого и не вполне определенного будущего. Пока же наблюдается уже отмеченная выше тенденция не к сокращению рабочего и увеличению свободного времени, а к сохранению существующей длительности трудового дня и рабочей недели, которая вряд ли уменьшится и в условиях полной занятости населения, чего пока не смогли, к сожалению, добиться даже самые социально ориентированные государства. Сокращение рабочего времени зависит, таким образом, не столько от роста производительности труда, сколько от совершенствования социальной организации общества.

Именно на происходящие изменения капиталистического строя справедливо ссылаются авторы, которые видят в этом залог будущего преодоления отчуждения наемного труда от собственности капиталистов на средства производства, поскольку, по их мнению, главным средством производства становятся знания, неотделимые от человека и доступные всем<sup>1</sup>. Переход к постиндустриальному обществу пока, к сожалению, не привел к столь радикальным переменам. И если отойти от футурологии и реально взглянуть на вещи, то знания и умения любого работника чаще всего используются не им самим, а его работодателем. Если же под знаниями имеются в виду личные открытия и изобретения, то они, во-первых, легко «отделяются» от сделавшего их человека путем покупки его патентов и лицензий другими людьми и, во-вторых, одних только знаний недостаточно для открытия собственного бизнеса; для этого нужен капитал, превращающий знания в средства производства, которые, следовательно, по-прежнему остаются частнокапиталистическими.

Футурологам присущ тот грех, что они склонны переоценивать отдельные новые тенденции и поспешно провозглашать их непреложными законами развития. Конечно, имеются люди, успешно использовавшие свои научные знания для создания собственного весьма прибыльного бизнеса. Примеры Билла Гейтса и Стива Джобса – это лишь первые ласточки, которые, однако, еще не делают весны. Таких примеров было множество и в прошлом, сегодня их стало действительно больше благодаря применению не очень дорогостоящих и доступных информационных технологий. Однако лишь немногие могут стать бизнесменами, каковых по статистике насчитывается не больше 5% всего населения. Но и они вынуждены работать по все тем же правилам рыночного капитализма и

---

<sup>1</sup> См. Иноземцев В.Л. Теория постиндустриального общества как методологическая парадигма российского обществознания // Вопросы философии. 1997. № 10.

никак не влияют на общий ход общественного развития. Меняются же эти правила не снизу, где они неизбежно воспроизводятся в силу жесткой конкуренции, а только сверху по воле государства и других сил, действительно озабоченных соблюдением справедливости как условия сохранения и прогресса всего общества.

В нашей жизни, конечно, встречаются не только фантастические, но и вполне реальные парадоксы. Помимо уже рассмотренного выше парадокса производительности труда можно указать еще на один – *парадокс цен, заключающийся в том, что вопреки положениям экономической науки о конкуренции, ведущей к снижению издержек производства и якобы препятствующей росту цен, последние постоянно растут и временно снижаются только в условиях кризиса перепроизводства*. Общий тренд повышения цен объясняется увеличением затрат на более качественную и технически совершенную продукцию и ростом разного рода накладных расходов, связанных с развитием многочисленных общественных служб. Снижение же издержек производства в результате конкуренции приводит реально лишь к росту прибыли предпринимателей при постоянных или растущих ценах.

Наличие реальных парадоксов не оправдывает попыток найти их там, где их в действительности нет. В этой связи хотелось бы обратить внимание на статью Е. Балацкого «Китайская модель экономики будущего: развитие через перманентное разрушение». В ней утверждается, что единственным выходом из глобального кризиса, связанного с исчерпанием планетарных ресурсов, является «переход к глобально регулируемой и тотально планируемой экономике, в которой производство новых благ шло бы параллельно с уничтожением старых материальных ценностей»<sup>1</sup>. Автор подробно не раскрывает смысла глобального регулирования и тотального планирования экономики, а делает упор на «убийстве» и утилизации старой продукции.

Красивая метафора о «перманентном саморазрушении экономики» практически сводится к банальной необходимости утилизации бывших в употреблении вещей, что, как известно, делалось во все времена без претензий на научное открытие. Эта проблема, конечно, обострилась в наше время, когда количество утилизируемой продукции и материалов на порядок увеличилось и потребовало создания самостоятельной отрасли по переработке отходов. Но подобная деятельность велась всегда и выражалась в широком использовании лома черных и цветных металлов в металлургии, макулатуры – в бумажной промышленности, старой одежды, регулярно собиравшейся старьевщиками по городам и селам, – для ее последующей переработки. И если сейчас в нашей стране эта работа систе-

---

<sup>1</sup> См.: Балацкий Е. Китайская модель экономики будущего: развитие через перманентное разрушение // Общество и экономика. 2011. № 8-9. С. 293.

матически не ведется, то станет ли ее неизбежное возобновление достаточным основанием для перехода нашей экономики в разряд саморазрушающихся? На самом же деле *нормальная экономика не только не разрушает саму себя, а, наоборот, очищает окружающую среду от отходов и постепенно становится деятельностью с замкнутым безотходным циклом*. Для этого просто нужно наладить сортировку бытовых отходов для упрощения их переработки и сдачу населением отслужившей свой век техники, как это делается во всех развитых странах.

Нельзя согласиться и с оценками автора статьи по поводу введенных в Китае нормативов длительности сроков использования зданий и сооружений. По крайней мере, этого еще не достаточно для появления «китайской модели экономики будущего». Строительные нормативы, включающие также сроки безопасного использования объектов, существовали всегда и во всех странах, в том числе и в Советском Союзе. Хрущевские пятиэтажки были рассчитаны на 30 лет, и их постепенный снос идет полным ходом. Значит ли это, что Россия также может претендовать на роль первопроходца в будущее? Что будет в Китае через 70 лет, когда подойдут сроки сноса нынешних построек, пока не известно, но сегодня он остается одной из самых «грязных» стран на планете и претендует на роль лидера по объемам выброса в окружающую среду промышленных и бытовых отходов. Если китайская экономика что-либо и разрушает, то не саму себя, а природу и людей как у себя в стране, так и в ее ближайшем окружении.

Интерес к будущему собственной страны и всего мира вполне оправдан. Люди всегда мечтали о лучшем будущем и фантазировали на эту тему. Неопределенность судьбы отдельного человека и общества в целом порождает в наше бурное и во многом переломное время разнообразные представления о дальнейших путях общественного развития. Реалистичность этих представлений зависит от правильной оценки и учета предшествующего и современного опыта, чем и объясняется интерес к истории собственной страны и к тому, что происходит в других государствах и мире в целом. Поэтому важно, чтобы предлагаемые суждения и оценки базировались на реальных фактах и не противоречили общепринятым положениям науки, если таковые не опровергнуты жизнью или фундаментальными научными исследованиями. В противном случае велика опасность подмены серьезных аналитических изысканий сенсационными «открытиями», рассчитанными на привлечение внимания досужей публики, но весьма далеких от подлинной науки.

---